

ровой истории, уничтожению исторической памяти, как сказано в «Стратегии национальной безопасности» [10].

Главный объект фальсификации истории – это дети и молодежь. Отнимая у молодежи историческое прошлое, её лишают не только возможности идентифицировать себя с определенной культурой, традициями, обычаями, героическим прошлым народа, к которому молодежь принадлежит, её лишают будущего, делают частью глобального общества без привязки к национальным корням.

Дети и молодежь становятся объектом, на который западное общество стремится эффективно воздействовать. В 90-е годы XX века им прививались западные ценности и одновременно создавались условия для того, чтобы они потеряли интерес к истории России. В учебниках по истории России сократилось количество часов на освещение истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Изложение материала стало сводиться только к перечислению основных фактов и событий войны.

1. Аликин, П. С. К проблеме соотношения «культурной» и «исторической» памяти / П. С. Аликин, А. Л. Мухина // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2017. – № 1. – С. 154–159.
2. Болдуин, Х. Сражения выигрышные и проигрышные. Новый взгляд на крупные военные кампании Второй мировой войны / Х. Болдуин. – М. : Центрполиграф, 1966. – (Вторая мировая война (Центрполиграф)).
3. Брэдли, О. Записки солдата / О. Брэдли ; пер. с англ. В. С. Столбова и Н. Н. Яковleva. – М. : Издательство иностранной литературы, 1957. – 608 с.
4. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / сост. М. М. Загорулько, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская ; под ред. М. М. Загорулько. – М. : Логос, 2000. – 1120 с.: ил.
5. Земке, Э. От Сталинграда до Берлина. Операции советских войск и вермахта. 1942–1945 / Э. Земке ; пер. с англ. А. Л. Андреева. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2009. – 604 с.
6. Конституция Российской Федерации 1993 года с изменениями, принятыми на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 года. – М. : Эксмо, 2020. – 96 с.
7. Мэтлофф, М. От Касабланки до «Оверлорда» / М. Мэтлофф. – М. : Воениздат, 1964. – 584 с.
8. Мюллер-Гиллебранд, Б. Сухопутные армии Германии 1933–1945 гг. / Б. Мюллер-Гиллебранд. – М. : Изографус, Изд-во Эксмо, 2002. – 800 с.
9. Нимиц Ч. Война на море (1939–1945) / Ч. Нимиц, Э. Поттер ; пер. с англ. – Смоленск : Русич, 1999. – 592 с.
10. О Стратегии национальной безопасности. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400.
11. Путин, В. В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим / В. В. Путин // <https://www.kremlin.ru/>
12. Тойнби, А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад: [пер. с англ.] / Арнольд Дж. Тойнби. – М. : АСТ: Астрель; Владимир : ВКТ, 2011. – 318 с. [2] с.
13. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М. : Новое литературное обозрение, 2005. – С. 16–50.
14. Юрадо, К. К. Иностранные добровольцы в вермахте. 1941–1945 / К. К. Юрадо. – М. : АСТ, Астрель, 2005. – 62 [2] с., 8 цв. ил.
15. Wylegała, A. Dwie Maie / A. Wylegała // Historia. Newsweek. – 2015. – № 2. – S. 132–135.

**Гернович Т.Д.
АРХИВНЫЙ МУЗЕЙ КАК ФОРМА СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ
ДОКУМЕНТАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ**

Ключевые слова: Архивный музей в Петрограде, Румянцевский музей, Музей палеографии Н.П. Лихачева, историческая память, культура архива.

Архивные музеи выполняют особую миссию – они не только сохраняют документальную память, но и способствуют формированию исторического сознания. В условиях XXI века, когда роль архивов в обществе переосмысливается, вновь актуализируется идея интеграции функций архива и музея. Именно в этом соединении проявляется потенциал архивного музея как пространства, где документальная память приобретает культурное и образовательное измерение.

Документ, как объект сохранения и изучения, выполняет в обществе множество функций. Прежде всего, он фиксирует информацию, подтверждая события и факты, которые могут быть востребованы современниками – в практических целях, и потомками – для познания прошлого. Однако его значение не исчерпывается только удосто-

веряющей или справочной функцией. Документ способен выступать и как артефакт эпохи, символ, материальное свидетельство развития цивилизации, отражающее формы взаимодействия человека с окружающим миром.

Эта сложная и многогранная природа документа обусловила его присутствие в различных институтах памяти – архивах, библиотеках и музеях. Каждый из них наделяет документ специфическим статусом и ролью. В архивах он предстает прежде всего как источник достоверной информации и доказательство фактов; в библиотеках – как элемент интеллектуального и культурного наследия, связанный с процессами передачи знаний; в музеях – как экспонат, несущий эстетическую, символическую и образовательную ценность. Несмотря на современные тенденции к сближению этих институциональных форм, различия в подходах к документу сохраняются и позволяют глубже понять его многоаспектность.

Таким образом, идея архивного музея возникает на пересечении этих традиций, отражая стремление объединить функции хранения, демонстрации и осмысливания документа. Именно здесь формируется «культура архива» как особый пласт исторической памяти, способный соединять практическое, символическое и культурное значение документального наследия.

Начиная с первых музейных коллекций, «кабинетов древностей» документы наравне с картинами, монетами, медалями и оружием рассматривались как ценные объекты, вызывающие интерес к собиранию и желание их демонстрировать публике. Первые экспозиции акцентировали внимание на многообразии документов и типов письма разных эпох и народов. Однако сама «культура архива», практическая деятельность по сохранению документов и обеспечению передачи информации во времени и пространстве, в музейной экспозиции не освещалась.

Между тем, забота о сохранности документов уходит корнями в глубокую древность и также заслуживает внимания в изучении истории письменной культуры. Так, в Месопотамии шумеры строили специальные хранилища для глиняных табличек, содержащих тексты законов, записи административной, финансовой деятельности, земельного, налогового военного учета, «нотариальные» записи о частных сделках и др. Таблички различались по форме и размеру в зависимости от типа информации, для того чтобы их было легче найти. Некоторые таблички были заключены во второй слой «глиняных конвертов» и хранились в орошаемых помещениях, которые обеспечивали необходимый температурно-влажностный режим с помощью канавок с испаряющейся водой.

В Древнем Риме архивные учреждения не только сохраняли, но и предоставляли доступ к информации документов. Многие хранилища располагались в центре древних городов для того, чтобы было возможно быстро находить необходимые документы для предъявления в суде или при составлении сборников официальных постановлений и распоряжений (рис. 1). В средневековой Европе документы нередко размещались вместе с королевскими реликвиями и казнью, поскольку воспринимались как равные им по статусу и символической ценности. Их хранили в сундуках и специальных шкафах со сложными замками, которые должны были обеспечить защиту от подделки и уничтожения [1].

С возникновением национальных государств архивы начали выполнять новые функции: не только сохранять документы, но и предоставлять доступ к ним исследователям и гражданам, становясь пространством формирования исторической памяти.

«Культура архива» представляет собой отдельный пласт человеческой исторической памяти. Изменение носителей информации, методов и приемов обеспечения их сохранности, способов предоставления доступа к архивным документам и использования, содержащейся в них информации – все это представляет собой историю развития человеческой цивилизации и осознание «особой миссии документа».

Примером институционализации «культуры архива» стал Музей Национального архива Франции (*Musée des Archives nationales*), открытый в 1867 году в парижском особняке Субиз. В нем представлены оригиналы королевских указов, папских булл, грамот, автографов исторических деятелей, а также образцы восковых печатей, сундуков и коробок, которые использовались в средние века и новое время для работы с документами. Одна из стен музея спроектирована таким образом, что дает возможность через стекло заглянуть в самое старое архивохранилище Франции Сокровищницу хартий (fr. *Trésor des chartes*) (рис. 2).



Рис. 1. Табуларий (лат. *tabularium*)
(цокольная часть восточного фасада Дворца
сенаторов), государственный архив в
Древнем Риме.



Рис. 2. Сокровищница хартий. Музей
Национального архива Франции.

В России первым шагом к музейной демонстрации архивных документов стало создание в 1831 году Румянцевского музея в Петербурге. Его основой стала коллекция графа Н.П. Румянцева, главной страстью которого было собирание рукописных древностей (рис. 3). Центральное место в коллекции графа занимали редкие рукописи, старопечатные книги, инкунабулы и другие памятники письменной культуры. По завещанию Н.П. Румянцева, после его смерти коллекция была передана в дар государству, и стала доступна широкой публике. В залах музея были установлены специальные витрины для экспонирования письменных памятников [2].

Революционные события 1917 года и последующие изменения в государственном устройстве привели к разработке новой государственной политики в архивной, музейной и библиотечной отрасли. Централизация, национализация и создание первых законов в архивной, библиотечной и музейной сфере способствовали выработке подхода по определению статуса архивного документа в каждом типе хранилища.

В первые годы советской власти вопрос разграничения понятий архив-музей-библиотека был одним из центральных вопросов, обсуждавшихся на научных собраниях. Эта проблема была впервые обозначена на Конференции архивных деятелей в Петрограде (1920 г.) и получила дальнейшее развитие на Всероссийской конференции архивных деятелей в Москве (1921 г.). и на Первом съезде архивных деятелей РСФСР (14–19 марта 1925 г.). Содержание «нового подхода» было представлено в докладе И.Л. Маяковского «Архив, библиотека и музей» (рис. 4). По убеждению ученого, архив в новую эпоху должен был стать полноправным участником выставочной деятельности, для этого он предлагал организовать систему архивных музеев [3; 4].

В докладе И.Л. Маяковского давалось «определение сущности» архива, музея и библиотеки по отношению к письменному материалу. Так, он отмечал, что «...В музеях

могут находиться такие оригиналы и копии письменных памятников, которые не только по содержанию (а иногда и независимо от него), но и со своей внешней вещественной стороны отличаются показательностью, характеризующей черты быта и формы творческой работы человека в ту или иную эпоху, – при чем наиболее полно такие памятники могут функционировать не в самостоятельных музеях археологического, историко-бытового и художественного характера, а в специальных музеях-выставках...» [5].

Идеи Маяковского поддерживали участники петроградского отделения ЕГАФ Н.А. Пыпин, Н.П. Черепнин и И.В. Пузино. Ранее, на заседании управляющих Петроградских отделений секций ЕГАФ 14 августа 1919 г. они представили докладную записку, в которой изучив опыт западноевропейских архивов, отмечали, что архивные выставки проводятся регулярно во многих странах. Далее они обратили внимание на то, что «... помимо целей, архивно-исторических выставка должна служить также и школе, в широком, конечно, смысле этого слова. А именно, при выставке должны читаться лекции: 1) популярные, 2) для учеников старших классов и для студентов и 3) для педагогов, которые наглядно иллюстрировались бы соответствующим архивным материалом. Нет, кажется, нужды доказывать, насколько такое наглядное изучение по архивным материалам истории является важным в образовательном смысле и как оно может оживить в школе интерес к делу...» [6].

Одним из первых примеров реализации этой идеи стало открытие 31 октября 1922 г. Архивного музея при Сенатском архиве. Его первый директор В.Н. Нечаев, выступая с докладом «Музеи при архивах» в 1921 г. на Всероссийской конференции архивных деятелей в Москве подчёркивал необходимость демократизации архива и приближения его к обществу (рис. 5). Как писал В.Н. Нечаев: «Приближение архивов к массам, их демократизация диктуется всем новым строем жизни и здравым пониманием архивами собственного интереса, так как только при воспитании в широких народных слоях понимания ценности исторического документа, для архивов может сократиться опасность разрушения, от которой они всегда страдали, а в особенности в революционные времена» [7; 8].

К сожалению, идея Архивного музея при Архиве Сената была недолговечной, в 1930 г. он прекратил свое существование [9].

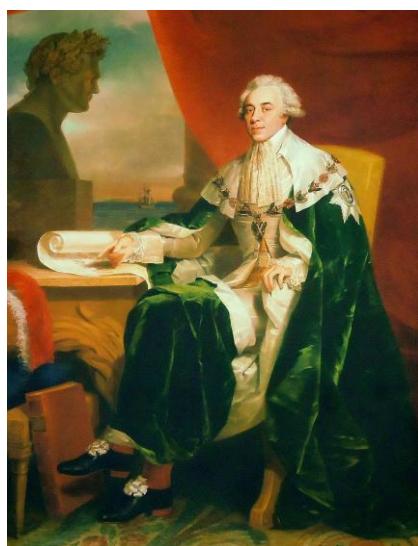


Рис. 3. Граф Н.П.Румянцев
Портрет кисти Джорджа Доу

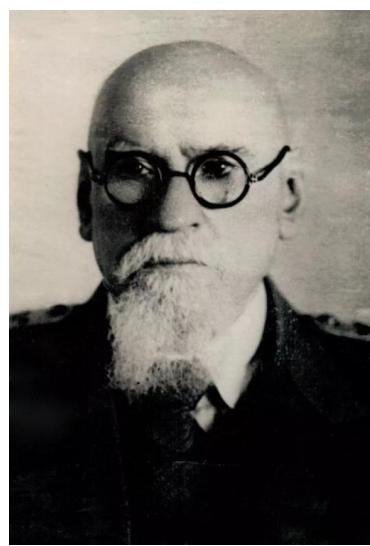


Рис. 4. И.Л. Маяковский



Рис. 5. В.Н. Нечаев

Аналогичная судьба постигла и Музей палеографии, который был создан в 1925 г. в Петербурге в доме на ул. Петрозаводской на основе собрания Николая Петровича

Лихачева (рис. 6). Музей палеографии по замыслу его владельца должен был соответствовать Лейпцигскому «Музею книги» «...со специальным уклоном в область истории документа и его аутентификации».



Рис. 6. Музей палеографии Н.П. Лихачева

В 1931 г. Музей был переименован в Институт истории книги, документа и письма и перемещен в помещение библиотеки Академии наук. В последствии он был расформирован и в настоящее время, как известно, фрагменты лихачевского музея находятся в Эрмитаже, Институте восточных рукописей, Государственном историческом музее, в библиотеке Академии наук и ее отделах, в библиотеке Музея истории религии и других собраниях. В 1967 году часть коллекции, состоящая из рукописей, вернулись в дом на Петрозаводскую, где они стали частью архива Санкт-Петербургского института истории РАН [10; 11].

В 2022 г. в Санкт-Петербургском институте истории РАН в рамках проекта «История письма европейской цивилизации» был воссоздан Палеографический кабинет академика Николая Петровича Лихачева, а в интернет-проекте представлены цифровые копии документов из его коллекции, которые позволяют в виртуальной форме реконструировать Музей палеографии в наши дни.

Опыт объединения архива и музея, реализованный в Петрограде, носил скорее исключительный характер. В дальнейшем на территории советских республик взаимоотношения между архивами и музеями формировались на основе жесткого институционального разграничения сфер деятельности и принципов комплектования. Архивные документы, оказавшиеся в фондах музеев и библиотек, предоставлялись пользователям на тех же основаниях, что и другие музейные или библиотечные единицы хранения. Выставки архивных документов, проводившиеся в помещениях архивных учреждений, оказывались доступны лишь ограниченному кругу специалистов и практически не были ориентированы на широкую публику.

Тем не менее идея архивного музея сохраняет актуальность [12]. Возвращение к идеи архивного музея в XXI веке, в том числе в цифровом формате, свидетельствует о её востребованности и перспективности. Архивный музей может стать сегодня не

только формой экспозиции отдельного вида музейных объектов, но и площадкой для воспитания «культуры архива» в обществе, формирующей бережное и уважительное отношение к документальной памяти.

1. Развитие архивного дела с древнейших времен до наших дней. Ч. 1. Архивное дело с древнейших времен до 1917 года / [науч. ред. К. И. Рудельсон. – М.: ВНИИДАД, 1979. (Труды ВНИИДАД; т. 8, ч. 1).
 2. Лабынцев, Ю. А. Книжное наследие Н.П. Румянцева / Ю. А. Лабынцев. – М.: Наука, 2004.
 3. Протоколы первого съезда архивных деятелей РСФСР, 14–19 марта 1925 г. / под ред. Н. Ф. Бельчикова и В. В. Максакова. – М.: Л., 1926.
 4. Хорхордина, Т. И. Неизвестный Маяковский / Т. И. Хорхордина. – М.: РГГУ, 2001.
 5. Маяковский, И. Л. Архив, библиотека и музей / И. Л. Маяковский // Архивное дело. –1926. – Вып. 5–6. – С. 45–56; Вып. 7. – С. 21–36.
 6. Архивы и власть: Первое послереволюционное десятилетие. Протоколы и журналы заседаний руководящих органов управления архивной отраслью за 1918–1928 гг. : сб. док.: в 2 т. / отв. ред. О. Н. Копылова. – М. : Кучково поле, 2018. – Т. 1: 1918–1920 гг. – С. 781.
 7. Нечаев, В. Н. «Архивный музей в Ленинграде» / В. Н. Нечаев // Архивное дело. – 1925. – Вып. 2. – С. 63–68.
 8. Резолюция по докладу Аннинского С. А. «Пропаганда архивного дела» и Нечаева В. Н. «Музеи при архивах» // Архивное дело. – 1923. – Вып. 1. – С. 131.
 9. Гернович, Т. Д. Архивист и хранитель памяти: наследие Владимира Николаевича Нечаева (1874–1941 гг.) в контексте истории архивного дела / Т. Д. Гернович // История и архивы. – 2025. – № 7(3). – С. 171–183.
 10. Свойский, М. Л. Музей палеографии / М. Л. Свойский // Вопросы истории. – 1977. – № 4. – С. 211–215.;
 11. Мещерская, Е. Н. 11Музей палеографии акад. Н.П.Лихачева и его судьба. 1925–1930 / Е. Н. Мещерская, Е. К. Пиотровская // «Звучат лишь письмена...». К 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2012. – С. 49–65.
 12. Хорхордина, Т. И. Музей, библиотека, архив: к истории вопроса о разграничении понятий и современные тенденции к интеграции / Т. И. Хорхордина // Смысл истории: журнал историко-философского общества. – 2020. – № 2. – С. 157–166.

Гоманенко О.А.

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (НА ПРИМЕРЕ СТАЛИНГРАДА)

Ключевые слова: Сталинград, культура, Сталинградская битва, восстановление, театры, кино, музеи.

За годы Великой Отечественной войны пострадали многочисленные объекты культурного наследия СССР. Показателен пример Сталинграда по сохранению культурных ценностей своего региона в непростых условиях военного времени. Через два месяца после завершения Сталинградской битвы началось активное восстановление объектов культуры. В соответствии с постановлением Государственного комитета обороны (ГКО) к первоочередным мерам относилось, в частности, возрождение драмтеатра им. М. Горького и кинематографа в городе и области [2, с. 99–102].

В Сталинградской области до войны работало 11 театров, в том числе четыре в самом Сталинграде и одна филармония. Помимо драматического действовал еще кукольный театр, а также театр юного зрителя (ТЮЗ) и музкомедии. Так, за 1938 г. всего на театральных подмостках было поставлено около 160 пьес, около 2,6 тыс. спектаклей. Сталинградская филармония дала свыше 2,2 тыс. концертов. Около 2,5 млн человек посетили эти культурные мероприятия [1, с. 302].

С началом Великой Отечественной войны численность актеров поредела вследствие ухода на фронт. Например, кукольный театр лишился всех мужчин-артистов. Многие артисты трудились на оборонительных сооружениях. В первые месяцы войны из работников культуры Сталинграда была сформирована художественно-творческая бригада. Через театральные постановки шла агитационная работа актеров для поддержания морального духа бойцов и гражданского населения. За год с лета 1941 г. по 1942 г. творческие работники дали свыше 3,5 тыс. концертов в госпиталях, воинских частях и на мобилизационных пунктах.

Коллектив Сталинградской музкомедии за вторую половину 1941 г. дал около 140 концертов в госпиталях. Кроме того, было проведено почти 50 художественно-